

больших городах, зародили основы нового самосознания. Это продемонстрировал довольно массовый гражданский протест 2011 года против фальсификаций на выборах в Госдуму. Протест был именно гражданский, а не политический. Сформировалось уже не менее двух поколений людей, у которых появились свои квартиры, машины, у некоторых бизнес и у них появился запрос на жизнь по правилам. Не виданное ранее – в полночь на пустом перекрестке люди стоят и ждут зеленый свет светофора!

Более того, у этих горожан возникла вполне естественная потребность гордиться своей Родиной. Этот естественный буржуазный национализм не был правильно понят некоторой либеральной общественностью. Это оказалось еще одним парадоксом – «свои своих не узнаша». Бывшие советские правозащитники не признали национализм новой буржуазии, а та не увидела места в новой жизни своим буреветникам. Пик этой волны буржуазного национализма пришелся на события 2014 года – ровно через 100 лет.

Тем не менее, современный российский социум не воспринимает идею гражданской идентичности, на которой основывается буржуазный национализм. Сказываются наследие советской национальной политики, породившей этнофедерализм, а также отождествление этничности и национальности (достаточно вспомнить пятую графу в паспортах, где этническая принадлежность обозначалась как национальность).

Да и патриотический энтузиазм проявляется в непроизводительных формах. Например, в форме «диванной поддержки» славных побед на международной арене над недругами России, демонстрируемых на экранах телевизоров. Или в других сферах потребления: ношении патриотичных футболок, бейсболок... И на этом фоне реально социум не консолидирован. Дело даже не в социальном неравенстве, а в пронизывающем все уровни и формы социума недоверии. Но это уже выводит за рамки данного рассмотрения, главным итогом которого можно признать, что буржуазная революция, которая причудливым образом длится в России уже более столетия, все еще далека от институционального завершения.

Уткевич О.И.

к.ф.н., доцент

Витебский государственный технологический университет

(г. Витебск, Республика Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР НА ФОНЕ РЕВОЛЮЦИИ В ПОВЕСТИ М. ГОРЕЦКОГО «ДВЕ ДУШИ»

События 1917 года уже приобрели статус событий вековой давности, однако интерес к ним велик и сейчас. Возможно, только теперь наступает некая ясность и определенность в оценке происходящего в те трагические дни.

Особенно чутко судьбоносность происходящего воспринимали писатели и поэты, которые вели дневниковые записи. Необходимо отметить, что восприятие революции в поэзии и прозе значительно отличаются. В поэзии – это сплошные эмоции, намеки, символы. В прозе же мы наблюдаем документальную точность и минимум субъективизма. Здесь в один ряд можно поставить произведения Б. Пастернака «Доктор Живаго», А. Толстого «Хождение по мукам», сюда же примыкают дневниковые записи И. Бунина «Окаянные дни», а также записки таких выдающихся мыслителей как П. Сорокин и И. Солоневич.

В белорусской литературе стилистически близкой произведениям указанных авторов стала повесть Максима Горьцкого «Две души», написанная им в 1918 году. На наш взгляд, это произведение носит знаковый характер для всей белорусской литературы. Поэтому далеко не случайно, что весной 2016 года «Две души» были поставлены известным белорусским режиссером Н. Пинигиным на сцене театра имени Янки Купалы в Минске.

Архетипично уже само название, которое вызывает множество философских, культурологических и литературных аллюзий. Сюжетная основа повести – подмена крестьянкой-кормилицей младенца-шляхтича Игналика на своего собственного сына Василя. Повзрослевшие Игнат и Василь становятся участниками событий 1917 года. Мать перед смертью открывает Игнату Абдираловичу тайну его происхождения – с этого момента начинаются для него терзания и поиски «своих» и «чужих» в круговерти революционных событий. Вся диалектическая противоречивость таких поисков мастерски раскрывается автором через внутренние монологи его героя: «Да, свой или чужой, – подумал он с каким-то стыдом или раскаянием. – Я не знаю, кто мне свой и кто чужой. Я изо всех сил держусь нейтралитета и обманываю тех и этих, и самого себя. Неужели панская кровь, которая течет в моих жилах, имеет здесь какое-то значение?»¹ (здесь и далее перевод с белорусского наш – прим.автора). В результате таких размышлений Игнат Абдиралович проходит сложный путь духовного становления и самоопределения.

Отметим, что сам М. Горьцкий трагические события 1917 года встретил в Смоленске, именно его личные впечатления от пережитого отражены в повести, написанной по свежим историческим следам. В это время писатель еще не предполагал, каким именно образом революционные события затронут Беларусь. Однако он все же предчувствовал свою трагическую судьбу, и это пророческое ощущение делает произведение особенно интересным современному читателю. Кроме того, «Две души» – произведение, которое прекрасно вписывается в атмосферу полемики и политических дискуссий 1917 – 1919 гг., однако оно не воспринимается как некая «агитка», которые были нередким явлением в литературном процессе послереволюционного времени. Данный феномен во многом обусловлен талантом и художественным мастерством автора, занимательными сюжетными линиями и тонким психологизмом повести.

Образ главного героя повести Игната Абдираловича стал для Горецкого определенной вехой, важным шагом для решения поставленной им задачи раскрыть национальный характер белоруса именно на фоне трагического излома существования Российской империи, в состав которой входили в начале XX столетия белорусские земли. Для решения данной задачи автор использует прием художественной типологизации не только на уровне социума, но и на уровне глубинной генетической памяти, архетипов. Такая направленность проявляется и в сюжете, и в основном конфликте повести, заключающемся в рефлексии стороннего наблюдателя, в попытке сохранить нейтралитет в тех исторических обстоятельствах жестокой классовой борьбы, при которых остаться в стороне было не просто опасно, но и практически невозможно. Игнат Абдиралович – это тип всепринимавшей души белоруса, образ мужика-пана, которому одинаково больно, в кого бы ни стреляли. Недоверие к новым идеалам и бесконечные сомнения Абдираловича настолько принадлежали своему времени, что этот герой, сойдя со страниц повести, стал реальным человеком: молодой белорусский поэт и публицист Игнат Кончевский взял себе это имя в качестве псевдонима и подписал им труд, в котором излагает достаточно оригинальный взгляд на белорусскую ментальность, – «Извечной дорогой»².

Ощущая себя последователем Ф. Достоевского, Л. Толстого и других мастеров психологической прозы, М. Горецкий своей повестью еще раз подтверждает, что настоящая жизнь человека происходит внутри – это сложная работа его души, а поступки, которые совершает человек, в первую очередь представляют собой практическое воплощение этой работы. Однако морально-психологическая рефлексия, раздвоенность, состояние духовных исканий в повести не лежат на поверхности, а поданы в подтексте, вроде «айсберга» Хемингуэя. Вот почему страдания Игната Абдираловича передаются то с помощью психологизированного пейзажа, то через несобственно-прямую речь, которая представляет собой диалог двух частичек души героя: «Одна половина несказанно плакала и жаловалась на другую, что она мучает ее обманами. И когда он немного выстонался, говорила: «Убежать. Убежать»³. Причем вся противоречивость внутреннего состояния главного героя повести буквально зримо воспринимается на фоне динамичной мозаики сюжетных перипетий: переезды, стрельба, любовь, а надо всем – воспоминание-метафора, сохранившаяся со времен его детства: поле, косовица, запах сена: «Опять взволновали они сердце, взятое от земли, которое вечно туда, к ней тянется, ею живится и к ней взывает среди чужого и неприятного»⁴. Подчеркнем, что особая художественная манера писателя, благодаря которой авторский смысл пронизывает предметно-образное изображение, характерна для всего творчества Горецкого, но в наибольшей степени она действенна именно в повести «Две души», в которой события жизни народа стали фактом морально-этических поисков самого писателя. В целом же можно считать, что

событийная канва сюжета этого произведения построена, согласно авторскому замыслу, для осуществления трагической судьбы героев.

Феномен национального характера выявляется М. Горецким и через утверждение того, что для Абдираловича, для его двух душ, неприемлемы пути позорного приспособленчества. Вот почему, когда он беседует с кем-либо по одну либо по другую сторону конфронтации, изо всех сил стараясь понять позицию собеседника, то последний, в духе Достоевского, становится будто его двойником, которого Абдиралович в этот момент чувствует и принимает как самого себя. Это не стремление к интеллектуальному приспособленчеству. Напротив, слушая других, он ищет своего собственного неповторимого понимания происходящего, своего места в жизни. Настолько понятного и подлинного, чтобы служить ему до конца, ощутить наконец мир и покой, который «рождает в душе нужную, хотя и невеселую, но безмятежную ясность»⁵. Однако на страницах повести его поиски не приводят к миру и покою в истерзанной душе. Вот почему сам М. Горецкий метафорически сравнивает своего героя со щепкой, которая «то плывет, то приостановится, то потихоньку перевернется там, где уже была»⁶. Интересно, что к подобному сравнению прибегают и И. Бунин в «Окаянных днях», и А. Толстой в «Хождении по мукам».

В заключение отметим, что М. Горецкий – художник, который показал весь ужас разорванности, раздвоенности человеческого сознания в эпоху тесно переплетенных социальных и духовных противоречий. Он изобразил трагедию человека на изломе эпох, человека, потерявшего вдруг привычные жизненные ориентиры. Однако, пройдя через водоворот трагических событий, через тяжелые духовные страдания, герою повести «Две души» Игнату Абдираловичу удастся не утратить лучших черт своего характера, сохранить самое главное – совесть, сочувствие и любовь к ближнему.

¹ Гарэцкі М. Дзве душы // Выбраныя творы / М. Гарэцкі. Мінск: Кнігазбор, 2009. С. 194.

² Канчэўскі (Абдзіраловіч) І. Адвечным шляхам. Электронны ресурс. Режим доступа: http://knihi.com/Ihnat_Kanceuski/Adviecznym_slacham.html. (дата обращения 14.02.2017 г.)

³ Гарэцкі М. Дзве душы // Выбраныя творы / М. Гарэцкі. Мінск: Кнігазбор, 2009. С. 164.

⁴ Гарэцкі М. Дзве душы // Выбраныя творы / М. Гарэцкі. Мінск: Кнігазбор, 2009. С. 150.

⁵ Гарэцкі М. Дзве душы // Выбраныя творы / М. Гарэцкі. Мінск: Кнігазбор, 2009. С. 174.

⁶ Гарэцкі М. Дзве душы // Выбраныя творы / М. Гарэцкі. Мінск: Кнігазбор, 2009. С. 175.

Федотова О.А.

к.и.н., доцент СПбГУПТД

«СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ» - РАЗНОВИДНОСТЬ УТОПИИ?

Термин «утопия» был изобретен лишь в XVI в., но самый жанр утопического повествования возник и развился в глубокой древности¹. Вообще социальный утопизм отнюдь не беспочвенен, он возникает как ответ на